

18+

Николай Бредихин

Любовь в Вероне

Повести и рассказы

Николай Бредихин

Любовь в Вероне.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Бредихин Н.

Любовь в Вероне. Повести и рассказы / Н. Бредихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931240-2

Он и Она... Просто Он и Она (нет имён). Ну а ещё Италия, Верона, Р + Д (Ромео и Джульетта) и даже Джульетта №2. Всё так запутанно... И в то же время так просто: любовь, Италия, Верона и двое, не избалованных жизнью, немолодых уже людей. С первого дня поездки они вместе, но только начинают путь друг к другу. Помимо повести «Любовь в Вероне» в сборник вошёл и ряд других произведений Николая Бредихина.

ISBN 978-5-44-931240-2

© Бредихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Любовь в Вероне	6
1	7
2	15
3	16
4	19
5	23
6	25
7	26
8	30
9	32
Хмурый ангел	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Любовь в Вероне

Повести и рассказы

Николай Бредихин

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2021

ISBN 978-5-4493-1240-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь в Вероне

Повесть

Любовь... сильнее смерти и страха смерти.
Только ею, только любовью держится и движется жизнь.
И. С. Тургенев. Senilia. Стихотворения в прозе

1

– Это предательство! – Она долго дожидалась, когда они останутся за столиком одни, чтобы наконец получить возможность выплеснуть наружу свои эмоции.

Он сделал вид, будто не понимает, о чём она говорит.

– Что именно?

– Ну то, что остаёшься. Кстати, это правда? Быть может, меня просто неправильно проинформировали?

Он пожал плечами, сосредоточенно наматывая на вилку пасту, подлил себе вина в стакан, знаком предложил ей последовать его примеру, на что она в ответ отрицательно покачала головой, показав на свою непригубленную минералку.

– Да, верно, я остаюсь, – спокойно ответил он. – Не понимаю только, почему это тебя волнует?

– Как почему? – У неё от обиды навернулись на глазах слёзы. – Мы с тобой провели ночь, прекрасную ночь, – ты же сам сказал, я тебя за язык не тянула; дальше мы договорились, что будем вместе всю поездку: я предложила, ты согласился, может мне это тоже послышалось? А теперь ты сбегашь! И ты считаешь, что я должна прыгать и хлопать в ладоши от восторга по такому случаю? Я что, по-твоему, кукла?

Он поморщился, поднялся со стула.

– Ты прости, но наши все разошлись, наверное уже погрузились в автобус, там у меня чемодан, сумка – нас ведь предупреждали, что нельзя оставлять вещи в холле без присмотра.

Она тоже поднялась.

– Ну да, как же, помню: не носить сумочки со стороны проезжей части улицы, иначе сорвут ребята на мотоциклах. Не оставлять открытыми форточки, окна, особенно на ночь: заберутся, как кошки, по стене воры – и ни денег потом, ни документов. Не оставлять вещи без присмотра в холле – это уж само собой, это в любой стране мира. Нужно быть круглым идиотом, чтобы их там оставить. Кстати, там и мои вещи тоже.

– Вот и я о том!

К счастью, вещи оказались на месте. Он, как истинный джентльмен, отнёс её багаж к автобусу, затем вернулся в холл, терпеливо дожидаясь, когда группа наконец отправится дальше по намеченному маршруту и он останется один. Но когда он вышел с сумкой через плечо, везя за собой чемодан на колёсиках, снаружи его ждало разочарование.

– Сюрприз! – развела руками она.

– Сюрприз! – тяжело вздохнув, согласился он.

– Запомни! – сказала она ему в запальчивости, однако тщательно, чуть ли не по слогам, выговаривая каждое слово. – Меня никто никогда не бросал. Я всегда уходила первой. Для меня это вопрос принципа, поэтому наш разговор только начинается. Кстати, экскурсовод сказала, что дала тебе ксерокс с распечатки нашего маршрута, – это точно или она соврала, чтобы побыстрее от меня отделаться?

Он кивнул.

– Точнее не бывает. Она сказала, что если я передумаю, то в любом городе могу опять к группе присоединиться. И... я не против разговора, но мы не можем так с тобой стоять посередине тротуара, нужно куда-нибудь определиться, здесь слишком дорого.

– Хорошо, – уже гораздо более миролюбивым тоном проговорила она. Сходила к портье, долго изъяснялась с ним, оживлённо жестикулируя, тыча пальцем в разговорник, затем вернулась с бумажкой в руке. – Всё в порядке, вопрос решён.

В такси он молчал, рассеянно поглядывая по сторонам, она же, чтобы не терять времени даром, осаждала шофёра тем же вопросом, что и незадолго перед этим портье. Таксист, вна-

чале ничего не понимавший или пытавшийся прикинуться дурачком, при слове «отель» тут же оживился и заявил, что, конечно, конечно, он знает великолепный albergo, гораздо лучший, чем тот, что им порекомендовали.

– Нам не надо лучший, – пыталась втолковать словоохотливому итальянцу она, – нужен дешёвый. Economico! Carisce? Un albergo economico! (*Дешёвый! Вы понимаете? Дешёвый отель! – итал.*)

– Sì, sì! – восторженно лопотал итальянец, совершенно не слушая её. – Molto bene! Benissimo! Perfetto! (*Да, да! Очень хорошо! Отлично! Превосходно! – итал.*)

В том смысле, что прекрасный отель, великолепный отель. Лучше не бывает!

– О, Господи, всё у них «perfetto» да «benissimo», других оттенков они просто не знают, – вздохнула она в полном отчаянии.

Он добродушно усмехнулся.

– И это ещё северяне, а что будет, когда мы на юг попадём?

– А мы всё-таки туда попадём? – недоверчиво спросила она. – С тобой я ни в чём не уверена. Кстати, мог бы и помочь, почему я во всём должна проявлять инициативу?

Он не настроен был ссориться.

– Почему? Ну, если хочешь, можно по полочкам разложить. Во-первых, потому что тебе так нравится: чтобы всегда и во всём было по-твоему. Во-вторых, тебе доставляет большое удовольствие общаться с людьми, тем более с иностранцами. В-третьих, разговорник и карта города в твоих, а не в моих руках. И наконец, ты же прекрасно знаешь, как они здесь относятся к женщинам: они вас просто боготворят. Итог: я совсем не против в нашем крохотном коллективе сесть в руководящее кресло.

Она тщательно обдумала каждое сказанное им слово и кивнула, вполне удовлетворённая.

– Что ж, ты знаешь, как даме угодить.

Однако, увидев отель, к которому их подвезли, они оба сникли. Уж слишком резок оказался контраст, в сравнении с тем, что у них совсем недавно было.

– Всё в порядке! Всё в порядке! – поспешил успокоить их неунывающий итальянец. – Здесь работает мой хороший друг. Он всё устроит.

– Опять «бене-бениссимо», – мрачно пробормотала она. – Здесь каждый делает деньги на дураках. Куда он ещё мог нас привезти? Конечно, к тому хозяину, который ему что-то накидывает.

– Таксисты везде одинаковы, – с глубокомысленной иронией произнёс он ничего не значащую фразу.

Она хотела сказать в ответ какую-нибудь колкость, но портье после недолгого разговора с водителем вышел к ним из-за стойки и принялся что-то лопотать на своём языке.

– Ну, тут я вообще ничего не понимаю, – развела руками она.

Они покорно поднялись за хозяином на третий этаж и зашли в какую-то невзрачную каморку. Она некоторое время пыталась прийти в себя от шока, затем всё-таки спросила:

– Quanto costa? (*Сколько стоит? – итал.*)

Услышав ответ, тут же повернулась обратно.

– Синьора, синьора! Ничего не поделаешь, сезон! – печально запричитал хозяин.

Таксист принимал активное участие в разговоре, пытаясь переводить с итальянского на итальянский, да ещё выговаривая слова, как ему казалось, на русский манер.

– Да при чём тут сезон? – возмущалась она. – Это же собачья конура. Что, у собак тоже сезон?

Он всё-таки вынужден был перехватить инициативу.

– Non parlo italiano. Parlo inglese! Lei parla inglese! (*Я не говорю по-итальянски. Я говорю по-английски! Вы говорите по-английски? – итал.*)

Итальянцы радостно закивали, как будто это хоть в какой-то степени облегчало их задачу. Впрочем, такие слова, как «жена», «другой отель», «ехать», да и вообще – «нет, нет и нет», они прекрасно понимали: единственное, что им было непонятно, – почему их отель не подходит для этих двух скупердяев-русских. Наконец таксист произнёс волшебную фразу, как видно догадку, от которой лицо портье тут же преобразилось.

– Just married! (*Молодожёны – англ.*) *Giovani sposi! Sposi novelli!* (*Молодожёны! Новобрачные! – итал.*) Молодожёны? О, молодожёны! *Magnifico!!* (*Великолепно!! – итал.*). Есть, есть такой номер!

– Молодожёны? Ну, пусть мы будем молодожёны! – мрачно пробормотала она.

Но номер для «молодожёнов», как ни странно, оказался вполне приличным и вышел даже дешевле, чем предыдущий.

Им ничего не оставалось, как горячо поблагодарить портье и таксиста, которому на радостях, что всё так благополучно завершилось, были вручены щедрые чаевые.

Когда они остались одни, она тут же заявила:

– Ну, я в душ! Но не спеши распаковываться. С тебя обед! По твоей вине я осталась совсем голодной. Ты испортил мне аппетит!

Он пожал плечами: обед так обед. Ему и самому не терпелось прогуляться по городу.

– О, опять новый наряд? – удивился он. – Сколько же их у тебя? А я ещё думал, зачем тебе два чемодана?

Она была очень довольна тем, что он обращает внимание на её внешность.

– Да, – ответила она, – наш ответ Чемберлену, или – не знаю, кто здесь сейчас рулит. Я каждый день меняю в поездке или целиком наряд, или хотя бы какую-нибудь деталь туалета. Причём никогда не надеваю то, что здесь приобрела. Наши дурёхи из группы не понимают, что местные своим товарам цену хорошо знают, а вот каким-нибудь турецким или китайским барахлом их порой можно и удивить. К сожалению, дома у меня нет необходимости наряжаться: квартира, работа, опять квартира. Редко куда-нибудь выберешься, обычно так устаёшь, что ни до чего. А вот в поездках другое дело: тут можно на полную катушку оттянуться. Сегодня я меняю наряд второй раз. Утренний оказался неудачным, может быть я вообще больше никогда его не надену. Хотя жаль, та жёлтая кофточка очень даже ничего. Тебе не нравится, что я так на тряпках зациклена?

Он пожал плечами.

– Я ничего в таких вещах не понимаю. Главное – что ты смотришься. И что мужчины постоянно липнут к тебе взглядом. Наверное, это самое важное. Или я не прав?

Она сморщила носик.

– Конечно-конечно. И всё-таки жаль, что ты в таких вещах не разбираешься. Было бы приятно вдвойне. Ты знаешь, наверное со стороны я произвожу впечатление Элочки-людоедки: пытаюсь купить что-то более или менее сносное на свои гроши. Но дорогие вещи мне не по карману – пусть будут нарядики-однодневки: то, что называется «до первой стирки», зато постоянно что-то новое и можно от моды не отставать. Тебе неинтересны подобные рассуждения? Ты предпочитаешь политику?

Он добродушно усмехнулся.

– Я уже сказал: для меня не столь важны детали, важен конечный результат.

Она вздохнула, скептически поджав уголки губ.

– Ну а ещё лучше – совсем без одежды. Насколько я понимаю, для вас, мужчин, это как раз самый любимый женский наряд.

Он нахмурил лоб, задумался.

– И что, я произвожу впечатление такого мужчины?

– Да нет, ты вообще-то та-а-а-кой спокойный! Только ночью преображаешься.

– Ну, на тебя не угодишь, – вновь попытался отшутиться он.

Они долго бродили по городу, не в силах остановиться. Не сосредоточиваясь на достопримечательностях, просто заворожённые общей атмосферой.

– Я вот удивляюсь, – сказала она, – сколько вообще на свете немцев. Вроде бы небольшая страна, но куда ни поедешь, их больше всех среди туристов. В Турции – так вообще скоро, наверное, немецкий станет вторым государственным языком.

Обед незаметно по времени скатился к ужину. Они примостились в небольшом кафе, в котором стулья, столики, стойка бара – всё было ослепительно белого цвета.

– Ну, мы здесь действительно как молодожёны, – немного смущённо пробормотала она.

– Да, всё-таки надо тебя покритиковать: ты недостаточно подготовилась. Надо было предусмотреть что-нибудь эдакое, стилизованное под свадебное платье, – снова пошутил он в обычной для него манере.

Она за словом в карман никогда не лезла.

– Будем считать, что первая брачная ночь у нас была. А для второго дня платье у меня как раз вполне подходящее. Господи, ну и разговорчики у нас с тобой, о чём мы? – не с досадой, а больше даже с удивлением добавила она.

– Просто так, треплемся. Ни о чём. Ты же сама сказала – атмосфера такая.

– Да, атмосфера! Живут же люди! Помнишь, как гид спросила шофёра, что у итальянских мужчин на первом месте, и он так сочно ответил: «Amore!» – любовь, на втором месте – семья, на третьем – футбол или политика и только на четвёртом – работа. У нас, русских, всё наоборот.

– Ну, я бы не стал слишком уж доверять гидам и шофёрам, – скептически возразил он. – Это просто реклама, туризм. По моему убеждению, главное – то, что кормит, потом уже всё остальное.

– Что ж, резонно, – кивнула она. – Ну а теперь рассказывай, самое время. Из-за тебя я лишилась Венеции. Господи, мне так хотелось прокатиться на гондоле! Я даже специально денежку на это отложила, продумала наряд: шляпка, блузка в полоску. Никогда тебе этого не прощу! Знай, если вдруг когда-нибудь потом, уже в Москве, ночью тебе приснится кошмарный сон, это тебе за Венецию. И я очень злопамятна, таких кошмариков на твою долю придётся о-ё-ёй!

Он с удовольствием расправлялся с *bistecca alla fiorentina* – бифштексом по-флорентийски. Она же, наоборот, нехотя ковыряла вилкой в своём блюде.

– Господи, – вздохнула она, оглядевшись вокруг, – как можно есть столько макарон? Я бы уже через пару месяцев в дверь не пролезала.

– Но ты можешь заказать что-нибудь другое. Например, *fegato alla veneziana* – печень по-венециански.

– Понятно, издеваешься, – констатировала она. – Хочу предупредить ещё раз, коли уж в первый раз не понял: со мной это небезопасно, при случае отомщу.

– Зато, заметь, – назидательно поднял палец вверх он, пропустив мимо ушей её угрозу, – они почти совсем не едят хлеб. Да и булочки, что они подают к столу, только с виду пышные, а внутри пустые.

Она отложила вилку в сторону.

– Что, соблюдаешь диету, бережёшь фигуру? – поддразнил он.

– Нет, как раз в поездках я себя ни в чём не ограничиваю. Дома – да. Но здесь – какой смысл? Ем всё подряд, просто сегодня нет аппетита. Но я рада за тебя. Всегда удивлялась: почему тощие такие прожорливые?

– Это просто наследственность, – ничуть не смутился он, – обжорством я не страдаю, а в остальном – организм сам знает, когда ему остановиться.

– Тогда, может, съешь заодно и мой десерт?

– Почему бы и нет? – согласился он.

– Хороший мальчик! Кстати, я передумала: поскольку обед мы пропустили, ужин за мой счёт, – в своей обычной манере подшутила она над ним, – но такая лафа только сегодня. В дальнейшем никакого пижонства: каждый платит за себя. Ничего не поделаешь: заграница. Все «еврики» заранее распределены, на учёте. Но ты, как обычно, юлишь, не ответил на мой вопрос: почему же мы всё-таки отклонились от курса?

Он вытер рот салфеткой, налил себе минералки.

– Я тебе уже объяснял. Я ехал сюда специально из-за Вероны. Долго деньги копил. Ты ведь наверняка знаешь, кто я по профессии?

– Конечно. Преподаватель института. По нынешним временам вообще никто. Если, конечно, взятки не берёшь. Что, глядя на тебя, трудно предположить.

Он вздохнул.

– Да никто и не даёт. Ранг не тот.

– Так кто же у тебя в Вероне? Родственники? Любовница? Невеста? Кстати, я слышала краем уха, что ты не женат, сравнительно недавно развёлся. Тебя шокирует, что я такая любопытная?

– Нисколько.

– Итак, невеста? Или хочешь найти здесь невесту, жениться на итальянке?

Он помялся какое-то время, затем проговорил задумчиво:

– Так ты не передумала насчёт десерта? У меня даже глаза разбежались: здесь такой выбор!

– Ради бога! Заказывай, что угодно. Я же сказала: лафа. Вот только без вранья, годится? Этого я больше всего не люблю.

Он закатил глаза от восторга.

– Потрясающее пирожное! Точно, перфетто! Как ты можешь лишать себя такого удовольствия?

Она покачала головой.

– Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзным? Всегда этот улыбочивый, насмешливый тон!

– «Ангел в отпуске», был такой фильм чешский, – развёл он руками. – С чего ангелу на отдыхе хмуриться? А вообще, главное – смысл, а не тон. Ну, недоговаривать, умалчивать – святое дело, но обманывать – это на меня не похоже. Сказать по правде, на работе я страшный зануда. Не из тех, конечно, что над студентами издеваются. К примеру, не люблю ставить «неуды»: если не удалось что-то в процессе, никакой зубрёжкой потом не исправишь. Ладно, не буду тянуть кота за хвост: ты ведь всё равно не отстанешь. Хотя, боюсь, что разочарую тебя. Я в Вероне по личному делу. Так получилось, что в сорок с хвостиком лет я вдруг остался один: жена ушла, дочери повыскакивали замуж. Это ужасно, до сих пор ужасно. Причем всё произошло так неожиданно. Сначала я решил пойти традиционным путём: создать новую семью. Начал даже подыскивать себе подходящую кандидатуру. Затем понял, что предаю себя. О чём я мечтал в юности? О большой любви. Вот только тогда я понятия не имел, что это такое. Ну и вляпался. И долгое время жил с ощущением, что так и должно быть, что у всех так. А вот сейчас хочу воплотить свою мечту. С тем и приехал сюда – попытаться понять, что такое любовь. А столица любви – Верона.

– Я почему-то думала, что столица любви – Париж.

– Не мне судить, никогда не был в Париже. Но понадобится – можно и в Париж махнуть. Я вообще-то очень упрямый человек. То есть страшный зануда, как уже тебе говорил. Непонятно?

– Да уж... понятного ни на грош. Ты романтик?

– Нет, скорее рационалист. Я ведь математик, какой уж тут романтизм!

Она помолчала некоторое время, затем сокрушённо вздохнула:

– Да, чувствую, при такой сверхзадаче мы здесь надолго застряли. Уж юга нам точно не видать. Удивляюсь, как меня угораздило так вляпаться? С виду ты вполне нормальный человек.

Он усмехнулся.

– Ещё не поздно всё переиграть. Я ведь не единственный мужчина в группе. Вполне можно более достойную пару себе найти. Как я понимаю, в каждой поездке ты выбираешь... как бы это назвать поточнее... партнёра и бываешь с ним от начала и до конца?

Она сверкнула глазами.

– Допустим. И что, тебя это возмущает? По-твоему, это разврат?

– Да нет, просто я высказал предположение.

– Наши отношения как-то сразу наперекосяк пошли. Зачем настолько углубляться друг в друга? Встретились, расстались – маленькое счастье на двоих. Не все же, как ты, мечтают о великом, кому-то и маленького счастья вполне достаточно. Но знаешь, мы в чём-то похожи. Вот только ты живёшь мечтой, а я живу сказкой. В мечты я не верю, а вот сказку вполне в состоянии себе преподнести. Как добрая фея. У меня нет детей, никогда не было мужа, да и бог с ними. Что поделаешь, статистика – каждая четвёртая москвичка никогда не была замужем. Банальная история: сначала выбирала-отвергала, потом мечтала-ждала, затем страдала-искала, теперь вот просто живу. В Москве у меня даже любовника постоянного нет. Откуда ему взяться? Я встаю рано утром, ни свет ни заря, тащусь на торговую базу, там у меня маленькая каморка, которую я арендую, торгую оптом воздушными шариками и прочей дребеденью, кстати итальянской по преимуществу. Вечером, поздно, возвращаюсь домой, что-то с трудом успеваю соорудить себе поесть и валюсь с ног до утра. А назавтра снова-здорово. И это ещё прекрасно: я сижу в тепле, а не стою, как когда-то, на улице в дождь, в тридцатиградусный мороз, не таскаю сумки, тележки с товаром. Какие уж тут мужчины? Азербайджанцы? Таджики? Провинциалы-оптовики? Кого я там вижу? Я – хозяйка, у меня ещё две девчонки в подчинении, когда мы собираемся сразу втроём, дух такой стоит женской нерастраченной любви, что выдержать не каждый сможет. Одна давно в разводе, от другой муж совсем недавно ушёл. Так что разговоры только об одном, но разговоры совершенно бесполезные: кому мы нужны в свои тридцать, как ты выразился, с хвостиком, лет? И тогда я дарю себе сказку. Два раза в год езжу за границу, чудесно провожу время: не стираю, не готовлю, не убираюсь, а если ещё повезёт охмурить какого-нибудь мужичка, то это вообще даже не сказка, а сон. Я кажусь тебе циничной? Ты теперь открестишься от меня?

Он долго в задумчивости молчал, затем сказал:

– Пожалуй, я не откажусь ещё от одного десерта. И что, потом ты с ними никогда не встречаешься, навсегда расстаёшься?

Она покачала головой.

– Ну, бывают попытки с их стороны. Очень редко. Наверняка ведь всё не знаешь, любая информация относительна, приблизительна. Взять хотя бы тебя: да, в разводе, но точно не монах – любовница, невеста, кто-нибудь да есть. Зачем мне перебегать кому-то дорогу? Да и интереснее так: когда знаешь, что никогда больше не увидишь человека, можно быть гораздо раскованнее, счастливее с ним. Так что не бойся. Вероятность того, что мы когда-нибудь с тобой нос к носу в Москве столкнёмся, равна нулю. Наши жизненные прямые... или кривые, хоть как назови, расположены совершенно в разных проекциях. – Она махнула рукой. – Ладно, десерт так десерт. Да и винца хорошего бутылочка явно не помешала бы.

«Чин-чин!» Зазвенели бокалы. «Чин-чин!»

Наконец появилось время оглядеться вокруг. В кафе уже набралось много народу, было шумно, никто ни на кого не обращал внимания.

– А знаешь, – сказала она, – я разочаровалась в итальянках. Среди наших русских куда больше красавиц. А вот мужчины – другое дело. Встречаются такие... просто дух захватывает.

Кстати, если бы тебя как следует приодеть, ты смотрелся бы здесь – не отличишь. Чего только одни твои волосы стоят – густые, волнистые, так и хочется в них ладошку запустить и сжать пальцы покрепче.

– Спасибо, – ничуть не обиделся на сомнительный комплимент он. – Но ты знаешь, мне повезло, я видел здесь девчонку изумительной красоты. Я понимаю, такая красота недолговечна, но это была настоящая Джульетта.

– Ага, вот ты и попался, – с торжеством в голосе воскликнула она. – Ясно, из-за чего ты решил здесь задержаться. Покажешь?

– Если удастся разыскать то место.

Она проснулась ночью и увидела, как он сидит на постели, упёршись взглядом в стену.

– Что с тобой? – спросила она, зевая.

– Ничего, просто не спится, – меланхолично ответил он.

– Нет, что-то тут не так. Надеюсь, я ни при чём? Или может, ты всё-таки злишься, что я увязалась за тобой?

– Нет, никакой злости нет. Ты мне несколько не мешаешь. Хотя поначалу я и в самом деле был очень раздражён твоей прилипчивостью.

Она вздохнула.

– Не очень-то приятный ответ. Зато искренний. Ты точно в порядке?

– В полном. Ты спи; если я тебе мешаю, могу одеться, пойти погулять или в кресле здесь посижу. Но я тоже скоро отлечу к Морфею.

Она помолчала некоторое время, тщетно пытаясь прогнать сонливость.

– Может, я в сексе сегодня была не на высоте? Ты не удовлетворён остался? Это можно исправить.

Он покачал головой.

– Нет, у меня свои проблемы.

Она уточнила:

– Всё те же?

– Да, всё те же.

– Ладно, – вздохнула она. – Придётся тебя послушать. Честно говоря, первый раз вижу тебя таким – совсем прокисшим. Я думала, ты сильнее.

– Тут дело не в силе.

– Всегда дело в силе. Жизнь не любит слабаков. Но я тебя понимаю: рано или поздно каждый заходит в тупик. Что же тебя сегодня так сразило?

Он на какое-то время задумался, стоит ли раскрываться? Но была ночь и рядом практически незнакомый человек, который случайно появился в жизни и столь же закономерно из неё выветрится. Идеальные условия для откровенности.

– Итак, ты приехал сюда с определенной целью. И вдруг обнаруживаешь, что перед тобой стена, – начала она за него. – Обычный, весьма примечательный своими достопримечательностями, но совсем не похожий на твои представления о нём город. Не знаю, чего ты ожидал: увидеть место, где все только и делают в жизни, что вздыхают да целуются? Ну а здесь приблизительно то же, что и повсюду, в том числе и у нас, – борьба за выживание. Деньги, деньги, деньги, ну а остальное – постольку поскольку, как получится (если получится). Может быть, тебя шокирует то, что люди здесь деньги делают на мечте, на тяге к любви? Но надо как-то, чем-то страждущих удовлетворить. Это тебя мучит? Или может, ты понял наконец, что любовь – недостижимый идеал, охалка сена, за которой все мы, как ослы, устремляемся по молодости? С годами взрослеем, умнеем и понимаем, что идеалы – одно, а жизнь – другое?

Он усмехнулся.

– Любовь – обман? Ну, с такими размышлениями ты далеко не оригинальна. Не проще ли сказать, что зелен виноград? Не встретилось для тебя – значит вообще не бывает?

Она поморщилась.

– Господи, ну почему ты считаешь меня за дуру? У меня высшее образование, я педагог, то есть у нас есть даже что-то общее с тобой. Просто на зарплату учителя не проживёшь. Да и что там может быть интересного, в школе? Тяжкий, неблагодарный труд. Кто его ценит? Дело даже не в деньгах. Ужасно сознавать, что ты просто презренный человек, неудачник. Так что я в состоянии на любые темы порассуждать, в том числе и о любви. Быть может, когда-нибудь, при случае, я поделюсь с тобой своими мыслями на сей счет: кое-какой жизненный опыт у меня тоже имеется. Нет, я вовсе не считаю, что любовь – обман. И я очень благодарна тебе за сегодняшний, точнее – уже вчерашний день. Ладно, так и быть, раскрою немного душу. Ты только ищешь, а я уже поняла, что такое любовь. Это приправа. Никто не станет есть одну только приправу в качестве блюда. И тем не менее, с ней всё меняется. Секс становится глубже, тоньше, исчезают депрессии... Казалось бы, семья – тягомотина, каких мало, но немножко чувства друг к другу – и вот уже два дурака готовы везти этот воз до гроба. Тебе непонятна моя мысль? Хочешь конкретнее? Нет проблем! Ты заметил уже, что я в поездках никогда не расстаюсь с фотоаппаратом? У меня по каждому путешествию отдельный альбом. А сувениры? Я просто обожаю сувениры! Но я не всеядна, не хватаю всё подряд, каждую вещичку тщательно выбираю. Однако здесь я обнаружила, что много лет себя обкрадывала. Я не понимала, какое значение в поездках имеет музыка. Ты обратил внимание, наверно? Они здесь просто помешаны на музыке. Поют все, от мала до велика. Известные певцы тут национальные герои.

– А может, ты преувеличиваешь? – подтрунил над ней он. – Веришь всему, что вдалбливают нам гид и шофёр? А я уже сказал тебе: на мой взгляд, это те ещё лиса Алиса и кот Базилио. Ты заметила, как у них всё безупречно отрепетировано? Он немногословен, но она постоянно обращается к нему, чтобы подтвердить свои мысли. И действительно, поневоле принимаешь всё за чистую монету.

Она поморщилась.

– Это отдельная тема. Конечно, они привирают, но насчёт музыки ты меня не переубедишь. Я уже купила пару дисков, а к концу поездки соберу целую коллекцию.

Он опять усмехнулся.

– Как я понял, у тебя по каждой поездке полный отчёт?

– Да, – гордо подтвердила она. – Я собираюсь прожить по меньшей мере до девяноста лет, и это будет для меня прекрасным развлечением в старости. Ладно, вернёмся к нашим баранам – то есть к твоим проблемам. Что же так потрясло тебя сегодня, точнее вчера?

2

– Соня, протри глазки, сколько можно спать?

Она деловито разложила на одеяле красочные буклеты.

– Ну, вставай же, вставай. Я полностью продумала наш маршрут. Предупреждаю, день будет забит до отказа. Но, господи, как же ты нечестно со мной вчера поступил! Поднял среди ночи, разбередил душу своим хныканьем, а когда я окончательно проснулась и сказала, что готова тебя выслушать, ты уже спал, как сурок. У тебя что, такая разновидность лунатизма? Я разволновалась, ты меня взбудоражил, я потом ворочалась-ворочалась, никак не могла уснуть. Еле дождалась утра, побежала за рекламками, сколько могла, выудила информации у портье. Нет, с тебя причитается. И ужином, как вчера, ты не отделаешься. Даже не знаю, что у тебя попросить. Тем более что я новобрачная! Разве что кольцо с изумрудом?

Услышав стук в дверь, она трижды хлопнула в ладоши и торжественно провозгласила:

– Ладно, за колечко с драгоценным камешком можно и на полную катушку постараться. Кофе в постель! – И закричала уже в полный голос: – *Prego! Entri! (Прошу Вас! Входите! – итал.)*

Официант, как в заграничных фильмах, ввёз в номер поднос с завтраком. Он с любопытством посмотрел на огромную кровать, усыпанную рекламными проспектами, и улыбнулся во все тридцать два зуба, получив чаевые:

– *Grazie! – (Спасибо! – итал.)*

И что-то долго желал приятное синьору и синьоре.

Она рассмеялась.

– Что больше всего его поразило: что ты в постели, а я, одетая, лебезю перед тобою. Обычно бывает наоборот, по крайней мере у молодожёнов. Я думаю, нам надо уравниаться в правах, я тоже хочу кофе в постель.

– Какие проблемы? – Он уже более или менее пришёл в себя. – Есть даже старый, бородастый анекдот на эту тему: – «Вам кофе в постель?» – «Нет, лучше в чашку!»

Она, быстро раздевшись, тут же вручила ему фотоаппарат.

– Нет, я никак не могу упустить такой случай! А теперь вместе: нажми на спуск и тут же ко мне бегом.

Когда они покончили с завтраком, она подложила повыше подушку и снисходительно оповестила его:

– Что ж, самое время продолжить вчерашний разговор. Поплакаться мне в ночнушку, поскольку жилетку для подобных целей я с собой не захватила.

Он отрицательно покачал головой.

– Как-нибудь в другой раз. Сейчас не самое подходящее время для исповедей.

– Ладно, тем более что, как я думаю, всё равно многое в твоих представлениях переменится после сегодняшнего дня.

3

– Вот, видишь, – радостно улыбнулся он. – А ты говорила? Ты смотрела на меня так, будто я чудак или сумасшедший, но я не один такой. Эти люди приехали со всех концов света. Зачем? За тем же, за чем приехал сюда и я. И возраст тут не имеет никакого значения. Как видишь, здесь даже глубокие старики. Со своими старушками. Значит, есть она всё-таки, великая любовь?

Она скептически промолчала, не разделяя его воодушевления, но и не возражая ему. Затем попыталась переменить тему:

– Да, здесь полно психов. И ты прав, за ними даже интереснее наблюдать, чем осматривать эти замшелые руины. Я вот только одного не понимаю: зачем ты трогал за грудь Джульетту?

Он смутился.

– Ну, все так делают. Нельзя, но все так делают. Понимаешь, я просто сделал, как все.

– Понятно, прикрываешься стадным чувством. Эх ты, а говорил – любовь! Все вы, мужики, одинаковы. Вам только одного от бедных Джульетт и надо! О какой любви идёт речь? Ты мог бы поцеловать ей руку, встать перед ней на колени, произнести заготовленную ещё в России речь. Какой-нибудь сувенир подарить – всё что угодно. Но трогать её за грудь...

– На счастье, – вздохнул он. – Я сделал это на счастье. Загадал – теперь буду ждать, когда исполнится.

Она пренебрежительно хмыкнула.

– А меня ты за грудь по ночам трогаешь тоже на счастье?

Он покраснел.

– Быть может.

– Это не одно и то же?

– Кстати, любовь Ромео и Джульетты, если верить Луиджи да Порто, первому, кто рассказал эту историю, вовсе не была платонической. Они занимались сексом каждую ночь и были очень счастливы.

– Но только после того, как их обвенчали, – глубокомысленно заметила она. – Или там не как у Шекспира было дело?

– Так, – согласился он:

Идём, идём, терять не будем время,
Вдвоём вас не оставлю всё равно,
Пока не свяжет церковь вас в одно.
Перевод Т. Л. Щепкиной – Куперник

Она зевнула.

– Ладно, прощаю. Хотя, признайся, нехорошо было делать это на моих глазах.

– Ты ревнуешь?

– Нет, просто предупреждаю.

Она вдруг оживилась, глаза её зажглись новой идеей.

– Я хочу побывать там, – она указала пальчиком на балкон Джульетты.

Он равнодушно пожал плечами.

– Кто тебе мешает? Ради Бога!

– Никто. Просто я хочу побывать там вместе с тобой и думаю, как бы нам запечатлеть этот процесс на видеокамеру, иначе ведь никто не поверит. Если только кого-нибудь попросить...

– Сомневаюсь, что ты после этого когда-нибудь свою камеру вновь увидишь, – усмехнулся он. – Так что мне поневоле придётся остаться здесь и сыграть роль оператора.

Она в задумчивости сморщила носик.

– Интересная мысль! Вот только с кем тогда я там буду целоваться?

Однако в таком состоянии она пребывала недолго, тут же решительно шагнула к входной двери.

– Ладно! Как они там говорили, эти два кота Базилио в отеле? *Giovani sposi!* Молодожёны!

Через какое-то время она появилась вместе с местным служителем, совершенно очарованным то ли её нелепым итальянским, то ли суммой, которую она ему вручила.

– О, поздравляю! Мои пожелания счастья! – восторженно лопотал итальянец, делая ей тайные знаки: *perfetto, bellissimo!* Мол, с мужем она не промахнулась.

Торжественно держась за руки, они поднялись вверх и выглянули с балкона. Их, как и других пунцовых от счастья влюбленных (Р + Д), встретили аплодисментами. Служитель тоже махал им рукой, не отрывая глаз от видеокамеры.

Вернувшись вниз, она горделиво взглянула на то место, где только что побывала и испытала минуту триумфа.

– Ну вот, а ты говорил. Нельзя отступать перед трудностями, надо их преодолевать.

Настроение у неё улучшилось, теперь она была полностью в своей стихии.

– Ладно, предположим, что ты меня убедил – я тоже решила попробовать.

– Что именно? – уточнил он.

– Потрогать за грудь Джульетту. Может, мне это в самом деле принесёт счастье? Хотя вообще это ужасно. Посмотри, даже дети её лапают. Просто кошмар какой-то!

Они посетили дом Ромео и ещё много других достопримечательностей, и повсюду он прилежно снимал её на видео, и фотографировал. Наконец они решили где-нибудь примоститься пообедать, а заодно и дать ногам немного отдохнуть.

– Смотри-ка, Гоголь! – неожиданно воскликнула она. – Гоголь в Италии! Так похож, с ума можно сойти!

«Гоголь» оживился, улыбнулся им и заговорил на чистейшем русском:

– Слава богу, хоть вы меня признали. Все только языками прищёлкивают, завидев мой гардеробчик, но кого именно я изображаю, им и в голову не приходит. Вы откуда, ребята?

– Из Москвы.

– Ну так и я из Москвы. Правда, удачно я вырядился? Иначе бы никто и внимания не обратил.

Он тотчас вручил им афишку-рекламку, на которой по-итальянски и по-русски было напечатано приглашение на спектакль «Ромео и Джульетта», привезённый артистами из Москвы.

– Мы здесь проездом, – гордо проговорил мнимый автор «Мёртвых душ», – обкатываем наш вариант прочтения гениального Шекспира перед тем, как показать его во Франции, на театральном фестивале. Правда, здорово? А вы просто туристы?

– Да, – кивнул он. – Проездом. Но решили здесь задержаться.

– Что ж, будем считать, вам вдвойне повезло, – бодро отозвался «классик». – Сможете ещё и посетить наш спектакль. Театрик наш совсем маленький, точнее даже театр-студия. Нам просто выпал счастливый лотерейный билет: один «новый русский» влюбился в нашу приму, вот она и вытянула из него эту поездку. С ума сойти! А у меня своя мечта: я бы очень хотел сыграть Гоголя в Италии. Представляете, как он жил здесь, вдали от Родины, писал свои «Мёртвые души». Это ведь необычайно интересно: почему именно здесь писал, почему сжёг второй том, практически готовый к изданию? Так что приходите, обязательно приходите. У нас даже своя фишка есть: герои у нас гораздо старше, чем у Шекспира, ближе к первоисточникам. Просто

надо чем-нибудь выделиться. А может, это из-за нашей примы, уж на четырнадцать лет она никак не тянет.

– К сожалению, мы не сможем. Мы сегодня уезжаем. Догонять группу.

Актёр был искренне разочарован.

– Жаль. Вы, наверно, молодожёны?

Он не стал отрицать, качнул головой.

Когда они отошли в сторону, она взглянула на него с недоумением.

– Странно. Почему ты отказался пойти на спектакль? Да ещё соврал, что мы уезжаем?

Он пожал плечами.

– Но ведь ты так хотела побывать во Флоренции. Неужели собираешься пропустить её, как Венецию?

Она поспешила согласиться.

– Нет, конечно. Но... ты узнал всё, что хотел? Так быстро?

– Ну, почти всё.

– Как-нибудь расскажешь?

– При случае...

Она была уже целиком во власти нового поворота в их маршруте.

– Ладно, надо бы посчитать, как там по времени...

Он сдвинул с затылка на лоб воображаемую шляпу.

– Может, я ошибаюсь, но здесь всего только три часа на поезде, по нашим, московским, меркам совсем ничего: вечером будем на месте, а утром как раз успеем даже позавтракать перед экскурсией. Мне больше всего хочется посетить галерею Уффици. А ты что по этому поводу думаешь?

4

Он ходил по номеру в гостинице, растерянно оглядываясь по сторонам.

Она наблюдала за ним с иронией.

– Ладно, не переживай, я же говорила: тебе за мной не угнаться. Не те возможности. Всё должно быть по справедливости: моя прихоть – я её и оплачиваю. Номер люкс – по-другому не получилось, к сожалению: ты слишком поздно надумал изменить маршрут. Мы с тобой ещё на гала-ужин со спектаклем в Палаццо Ворджезе успеем: говорят, там незабываемое зрелище: всё – от убранства зала, костюмов и до блюд, танцев, игр – в стиле Средних веков. Очень весело и красиво. А потом можем заглянуть в какой-нибудь ночной клуб. Как, принимается? Вообще, я очень благодарна тебе: обычно я всё время путешествую в группе, не погружаюсь в среду, считаю – так веселей и дешевле, но чтобы как сегодня... оказаться вдвоём в совершенно незнакомой стране, в незнакомом городе, ни бэ ни мэ на языке аборигенов. Прости, конечно же – на языке Данте и Петрарки. Приключение! Весьма интересное приключение. Пойми меня правильно: я вовсе не выпендриваюсь, не шикаю, но вся наша поездка – двенадцать дней, одиннадцать ночей... Не хотелось бы упускать ни минуты.

Она потянулась за видеокамерой.

– Ладно, не будем расслабляться. За тобой должок. Помнишь, о чём мы говорили утром? Конечно, я виновата, ночью не выслушала тебя, но я свою вину полностью искупила: ты получил возможность узнать всё, что хотел. Теперь расскажи, что тебя ночью мучило?

Она навела на него камеру и приготовилась нажать кнопку.

Он попытался остановить её протестующим движением руки.

– Не о чем говорить. Это уже прокисший суп. Просто временно упал духом, но сегодня всё мне открылось. Я вполне удовлетворен.

Но она уже снимала то, что он говорил.

– Так, и что же ты узнал? – спросила она, но как бы не от своего имени, а голосом за кадром.

– То, что не просто Верона – столица любви, страна любви – вся Италия. А значит, можно продолжать поездку и ждать, когда всё закончится.

– Нет, ты обманываешь меня, – нарочито актёрствующим голосом продолжала декламировать она. – Открой тайну, несчастный!

Он лишь беспомощно развёл руками.

Она опустила камеру.

– Ладно, не хочешь отвечать... В жизни не видела таких скрытных и в то же время улыбчивых людей. Впрочем... нет, сегодня ты от меня не отвертишься.

Она долго копалась в одной из сумок, затем торжественно водрузила на столик купленную безделушку.

– Что это? – недоумённо спросил он. – Песочные часы?

– Нет, это не просто песочные часы – это часы правды, так мне продавец сказал.

Он ухмыльнулся.

– И как это конкретно выглядело? Что-то я не встречал пока здесь продавцов, говорящих по-русски. Может, это было в Москве, ещё в Шереметьеве?

Она посмотрела на него снисходительно.

– Обижаешь! Я была с гидом в Милане, покупала очки от солнца (ты знаешь, они здесь все помешаны на *occhiali da sole*), а мне как раз очень понравилась её модель, она сказала, что это как раз писк моды, а купить можно очень недорого.

– Понятно, – кивнул он, – всё та же сказка: лиса Алиса... Тебя обманули. Чего только они не сделают, чтобы всучить очередной буратинке какую-нибудь безделицу.

– А продавец из соседнего отдела... – продолжала она говорить, не слушая его.

– Очередной кот Базилио...

– Что-то прокричал мне, она перевела: он хочет, чтобы я купила у него эти часы. Я пожалала плечами: «Зачем они мне?» А он всё нахваливает: «Это необыкновенные часы, часы любви». Ну, думаю, знай наших; спрашиваю у него: «А на сколько же они рассчитаны?» – «На пять минут!» Тут я и выдала ему по полной программе: «Пять минут? Фи, неужели итальянцы *любят* так быстро? Не ожидала! У нас, русских, так *любят* только тогда, когда уже у самих песок сыплется». И что ты думаешь? Естественно, эта сучка-гидесса, вместо того, чтобы с умным видом промолчать, дословно ему всё перевела, да ещё так, что весь магазин слышал! Можешь себе представить, в каком этот итальяшка был шоке, но тут же вывернулся: синьора ошибается – это не те часы, не часы секса, а именно часы любви: они показывают, как быстро течёт у влюблённых время, когда они вместе, и напоминают, чтобы они не теряли его понапрасну. И ещё это часы правды. Если поставить их перед человеком, он не сможет солгать, вот только пользоваться ими нельзя слишком часто. «Не так часто, как люди занимаются сексом». Мне даже стало жалко этого продавца. Он уже не рискнул дальше со мной связываться, только качал головой, и приговаривал: какая беллиссима, беллиссима синьора, но как она плохо знает итальянцев! И готов был тут же, не сходя с места, доказать мне, что я не права. Что мне оставалось? Я объяснила, что это шутка, чмокнула его в щёчку и часы купила. Теперь ты понимаешь? Я на всю жизнь запомню эту сцену, в трудную минуту найдётся над чем похохотать. «Ах, какая женщина, беллиссима! Но как она плохо знает итальянцев! Я обижен до глубины души и готов за всю Италию постоять! Но это не те часы, не часы секса, а часы любви: они показывают, как быстро течёт у влюблённых время, когда они вместе, и напоминают, чтобы они не теряли его понапрасну. И ещё это часы правды. Если поставить их перед человеком, он не сможет соврать, вот только пользоваться ими нельзя слишком часто. Не так часто, как люди занимаются сексом». Вообще-то я без всяких часов всегда в состоянии определить, обманывают меня или нет. Но что-то в этой штуковине есть точно: обычно я не поддаюсь на пустые уговоры. Думаю, сейчас самый подходящий момент испытать её в действии, как ты считаешь? Предлагаю на спор: если эта штука действительно работает, ночной клуб оплачиваю я, если нет, платим поровну.

– Своеобразная логика! – расхохотался он.

– На радостях! Вполне обычная логика – что-то делать на радостях, вообще делать себе и людям подарки, – парировала она. – Итак, слушаю тебя!

Он долго молчал, потом задумчиво проговорил:

– Знаешь, в своё время меня очень поразила одна фраза – не помню только, где я её вычитал: «В любви всё – правда, но нет правды о любви». «Как же так? – возмутился я. – Как нет правды? А Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Тахир и Зухра, Лейла и Меджнун? Разве это не правда?»

– Конечно, не правда, – фыркнула она. – Легенды, не более того. А ты просто мечтатель. Ладно, извини, я тебя перебила, продолжай.

Он едва удержался от того, чтобы не вспылить.

– Не буду. Не буду продолжать! С тобой совершенно невозможно на подобные темы разговаривать. Не понимаю, что ты за человек такой? Сама спрашиваешь и сама тут же отвечаешь на свои вопросы. Тебе собеседники не нужны. Что, тебя настолько достало твоё одиночество?

Она смутилась, но, верная традиционной женской логике, предпочла защите нападение.

– Да, я не права. По мне и в самом деле, наверное, дурдом уже плачет. Но как с тобой общаться иначе? Ты такой споко-о-ойный, так надёжно укрыт за своей усмешечкой-бронёй, что хочется взорвать тебя любой ценой и посмотреть, какой ты есть на самом деле. Но вот так, без маски, ты ещё непонятнее и странней, даже страшней – такие рассуждения! И главное – на полном серьёзе! Неужто нельзя быть хоть немножечко поскромнее? Но тебя ведь не устраивает

вает что-то обыденное, серенькое! Лейла, Зухра, Изольда, а сам-то ты вытягиваешь на Тахира? Вот она и разница между нами: ты живёшь мечтой, несбыточной, великой мечтой, а я живу скромненькой сказочкой. Но итог, как ни странно, тот же: мы оба одни, оба в дураках. Ладно, не дуйся, продолжай!

Он пожал плечами.

– Не знаю, что тебе ещё сказать. Первое, что я обнаружил – что приехал сюда с теми же представлениями, которые у меня были четверть века назад, а, как ты сказала, пора бы и повзрослеть. Второе: что любовь – это вовсе не приправа, как ты пытаешься выставить её; собственно, она больше всего похожа на то, что у меня уже было, кроме главного – счастья.

Она усмехнулась.

– Ладно, вот тут-то мы и проверим тебя. Скажи честно, неужели ты был такой святой? У тебя не было любовницы, какой-то отдушины?

– Не было, – вздохнул он. – Я не святой, но ты не представляешь специфики нашей работы. А она приблизительно такая же, как и у тебя: наваливаешь на себя столько, сколько не свезти, когда тут, где и как знакомиться? И так до сих пор. Наверное, я просто слишком старомоден. Исход у нашего брата, как правило, один: старички женятся на молоденьких студенточках. Но не видел ни одного счастливого подобного брака. Тем более что я живу в общаге, жених во всех отношениях незавидный. И тем не менее не знаю, удастся ли мне убежать от своей судьбы: эти молоденькие – такие дуры.

– Не верю, – подвела итог она. – Плачешься, а навверняка на молоденьких слюни текут. Да и вообще, зачем жениться при таком изобилии? Пожалуй, ты прав, италяшка и в самом деле провёл меня.

– А давай на тебе попробуем? Думаю, теперь как раз моя очередь!

Он хитро усмехался, но она пожалала плечами без тени страха:

– На мне? Да я уже всё рассказала тебе о себе. Это ты у нас человек-сфинкс, а я... вот она, вся на блюдечке.

Он перевернул часы.

– Для начала о твоей сказке. Так ли уж удачно складываются у тебя отношения с мужчинами, всегда ли ты бываешь счастлива в поездках?

Она поморщилась.

– И это правда, которую ты хотел узнать? Конечно, я сильно приукрашивала, когда рассказывала тебе о своих «принцах». Не исключено, что и ты переметнёшься к какой-нибудь другой, более интересной для тебя женщине до конца поездки. Где-нибудь уже здесь, во Флоренции или в Риме. Я не обольщаюсь и прекрасно пойму тебя. Я не настолько уж привлекательна внешне, со мной не о чем поговорить. Но я никогда не сдаюсь, всегда борюсь до последнего, даже если приходится идти на унижения. Ещё, если честно, мне никогда и ни с кем не было так хорошо, как с тобой. Дальше продолжать?

– Пожалуй, не стоит, – покачал он головой. – Главное, мы убедились – эта штука действует, определённо действует. Сомневаюсь, чтобы иначе ты отнеслась к себе столь самокритично. Беру свои слова обратно: италяшка тебя не обманул. Так что там насчёт ночного клуба? Складываемся поровну?

– Как обычно. Но у нас ещё куча времени до гала-ужина. Мне хочется ещё раз посмотреть на свою соперницу – Джульетту №2.

Она взяла видеокамеру и, поиграв кнопками, быстро нашла нужное место. Они оказались возле небольшого дворика, густо обсаженного фруктовыми деревьями. Через некоторое время в него вышла девушка необычайной красоты, с чёрными как смоль волосами. Она улыбнулась им, признав в них туристов, и стала заниматься своими делами. Однако, увидев в руках у них фотоаппарат и видеокамеру, сделала запрещающий жест рукой и недвусмысленно пошевелила пальчиками, показывая этим, что снимать можно только за деньги. Камера бесстрастно

отразила, как, взяв десять евро, девушка начала не просто передвигаться по двору, но даже позировать.

– Да, она действительно хороша, спору нет. И у неё на редкость удачный бизнес: просто ходи по двору и собирай с земли денежки.

– Бог любит её. Не зря же он наделил её такой красотой.

– Южанка. Их смазливость так недолговечна!

– Кто знает! – возразил он. – Быть может, она победит на каком-нибудь конкурсе красоты и даже станет известной актрисой. К примеру, как Софи Лорен или Орнелла Мути.

– Ага, так ты нашёл что искал? Почему бы тебе не сделать ей предложение? Выучишь итальянский, станешь здесь уважаемым человеком, профессором. Так и проживёшь в этом тенистом дворике до конца своих дней. И будешь счастлив.

– Ты совсем не поняла меня. Я уже говорил тебе: самое страшное в любви – это влюбиться в любовь.

– Понятно – жениться на молоденькой. Так она реальна? Может, ты как раз сюда и убежал от неё? Или это пока только призрак, который порхает в воздухе? Подожди, подожди, теперь помедленнее!

Изображение плавно перетекло в обряд Обета Любви. Двое молодожёнов, то ли немцы, то ли скандинавы, в старинных костюмах, сопровождаемые многочисленной свитой, под звуки лютни вошли в зал Гварьенти монастыря Святого Франциска, где, по преданию, были тайно обвенчаны Ромео и Джульетта. Камера прилежно фиксировала все перипетии захватывающего действия: торжественные речи, обращённые к молодым, обмен кольцами, то, как они ставили свои подписи в книге, как спустились затем к гробнице Джульетты и новобрачная положила на неё букет из белых лилий.

– Здорово! – вздохнула она. – Особенно мне понравилось, как они прошли к Дому Джульетты и поцеловались на балконе. Я так хлопала! Но наш с тобой поцелуй был ничем не хуже!

5

– Господи, – сокрушалась она, тараща глаза по сторонам. – Никогда не думала, что такое возможно. Я будто на другой планете. Ты посмотри, посмотри, как они одеты! Каждый! Пусть это даже простая маечка, но как она преподнесена!

Она вдруг расплакалась.

– И где здесь я со своим выпендрёжем? Мне стыдно даже на улицу выходить!

Он сокрушённо пожал плечами.

– Флоренция – город моды. Когда-то она даже превосходила Рим и Милан. Надо было знать, куда едешь. Я, правда, ничего в этом не понимаю, но красота действительно вокруг неопишуемая. Хотя на меня, конечно, наибольшее впечатление произвела галерея Уффици, я много читал о ней, но эффект всё равно превзошел ожидания.

– Да, но ты заметил, что наш экскурсовод там, старичок бог её знает какой волны эмиграции, несмотря на всю свою бедность, был так отутюжен – ни одной пылинки на штиблетах. Я не представляю, как он здесь живёт: тут так всё дорого, так трудно соответствовать общему уровню.

Он пожал плечами.

– Ну, меня поразило в нём другое: как он нам подробно, доходчиво обо всём рассказывал, будто школьникам. Понимая, что ценители из нас никакие, был на редкость доброжелателен. Мне даже трудно представить себе после этого старичка, что вот вернёмся мы в Россию, а там всё по-прежнему. Это уникальная страна, где все, буквально все друг друга ненавидят: бедный богатого, богатый бедного, продавец покупателя, покупатель продавца, клиент таксиста, тот той же монетой платит ему в ответ. А наши знаменитые кухонные ссоры! Сколько людей после них отправляется кто на небеса, кто в места не столь отдалённые. Ну а если ты инвалид, старик – ты вообще лёгкая добыча. Почти как по Ницше: «Падающего толкни!» Я вот только теперь понял этих людей, эмигрантов: для того, чтобы любить Россию и свой народ, надо обязательно уехать. Вблизи такое совершенно невозможно. Может, и мне смотать удочки? Хотя не такой уж я и патриот.

Она поморщилась.

– У нас с тобой диалог глухого со слепым. Ты мне про Фому, я тебе про Ерёму.

– Да нет, я просто раскрываю тебе секрет, который ты не можешь понять. Ты посмотри, сколько вокруг тебя красоты, – человеку поневоле приходится ей соответствовать. Скульптуры, фрески, музеи, картины – это здесь на каждом шагу.

Она замолчала на какое-то время, затем отчаянно вскинула голову:

– Знаешь, мне дорого здесь каждое мгновение, даже в отель идти не хочется. Будешь сопровождать меня?

Он помялся.

Она вздохнула.

– Да я понимаю, путь к сердцу мужчины... Будет тебе и полдник, и обед, и ужин.

– Нет, я предпочёл бы другой, свой маршрут. Хочу, например, посмотреть ещё галерею Питти. Она не запланирована в экскурсии, но не побывать в ней было бы верхом идиотизма.

– Ладно, будет тебе и Питти. Кстати, как так получилось вчера, что мы не смогли воспользоваться всеми благами цивилизации? Я помню, как мы веселились до упаду в этом потрясающем дворце Боргезе, даже ночной клуб до Рима решили оставить: не хотелось перегружаться впечатлениями. С трудом, но всё же восстанавливаю в памяти, как мы вернулись, сидели – о чём-то болтали, вот-вот должна была начаться волшебная ночь – и тут мы вырубались. Никогда себе не прощу!

Он почесал затылок.

– Ты знаешь, я сам не в курсе. Настроение у меня тоже было вполне подходящее, аналогичное твоему... причём, что больше всего меня удивляет, что этой «волшебной» ночью нас не обокрали. Я сдуру окно оставил открытым – мы могли вообще в Москву не вернуться: ходили бы, обивали пороги, чтобы выправить новые документы.

– Да, – вздохнула она. – Выходит, красота если и облагораживает, то лишь внешне. И мир надо чем-то другим спасать (устарел наш Фёдор Михайлович)? Например, любовью.

– Ну, – рассмеялся он, – может, ты и права, но где взять столько любви? На всех не нападёшься. Вот что я тебе лучше посоветую: пройдишь-ка ты по уценёнкам, в обычных магазинах цены здесь запредельные, как ты успела заметить, а там вполне можешь положить начало своей коллекции. Кстати, не забудь посетить кожаные ряды, говорят, они здесь что-то уникальное, а ещё вроде как там такой забавный кабанчик-символ стоит, принято гладить его «пяточек» на удачу.

Она хмыкнула:

– Ну а как же «Ромео, милый мой Ромео!»?

– Я думаю, они тут и это предусмотрели, магазины у них достаточно рано закрываются. Конечно, если ты всю ночь потом не будешь нарядики примерять...

– Нет уж, не дождёшься! Но ты прав, вместе у нас действительно ничего не получится. Как в одной старой песенке поётся: «тебе в метро, а мне ведь на трамвай».

6

Она всем своим видом изображала полное отчаяние.

– Господи, что же это такое? Ни на минуту человека нельзя одного оставить. Сам уговорил меня разделиться – и уже новую подругу себе нашёл. Кому письмо? «Ромео, милый мой Ромео!»?

Он благодушно усмехнулся.

– Ты не знаешь, как у них тут с почтовыми ящиками? Я что-то не обратил внимания. Так же, как и у нас?

Она с самым серьёзным видом протянула руку. У неё и в мыслях не было шутить.

– Кому письмо? Ты так и не ответил на мой вопрос! С дочками и бывшей женой ты вроде бы не поддерживаешь тёплых отношений, зазнобы у тебя нет, как ты утверждал. Кому же тогда послание? На кафедру, в деканат, самому ректору от полноты чувств?

Он немного обиделся, но всё-таки удержал смешливую гримасу на лице.

– Кому ещё может писать бедный Ромео? – и повернул конверт лицевой стороной вверх.

– «Верона, Джульетте», – прочитала она по-русски, хотя адрес был написан на итальянском языке. – Той Джульетте, что из тенистого дворика? Её что, там, в Вероне, каждый знает?

– Нет, но ты же читала про Клуб Джульетты, мы даже мимо него проходили.

– Опять старая история, – вздохнула она. – Ты же говорил, что закрыл эту тему! Узнал всё, что хотел узнать. Врал? Или открылись вдруг какие-то новые обстоятельства?

Ему всё меньше и меньше нравился их разговор, но он продолжал источать любезность.

– Слушай, а мы не опоздаем? Пора уже вещи в автобус переносить. А письмо я и в Риме могу опустить, времени у нас там будет предостаточно. Ей-богу, в нём нет ничего особенного, я просто подвожу итог.

– Ну да, – хмыкнула она, – так я и поверила.

Он покачал головой.

– Не знаю, как тебе ещё объяснить. Просто я стремился приехать сюда, чтобы узнать о любви то, что я о ней не знаю. Я же говорил тебе: это была специальная, запланированная поездка. Но хоть я и утверждал, что узнал здесь всё, и даже с довеском, однако вполне может быть так, что мой ответ неверен и есть альтернатива. Я слишком путано всё объясняю?

Она покачала головой.

– Нет, как раз сейчас я всё поняла. Собственно, это твоё личное дело. Просто ты ведь в курсе, насколько я любопытна. А вот и почта, ящик, быстренько бросай и побежали.

Однако быстренько у него почему-то не получилось. Он долго то поднимал, то опускал руку: не мог решиться, пока ей это не надоело и она, выхватив у него конверт, не бросила его в щель ящика.

В автобусе он был то ли раздражён, то ли задумчив, во всяком случае совершенно не обращал на неё внимания, думая о чём-то своем.

– Ладно, – протянула она ему свою маленькую, но сильную ладонь. – Мир! Миру – мир! Мир во всём мире! У нас осталось всего три дня, а потом с утра Фьюмичино, аэропорт имени Леонардо да Винчи. Не будем же мы отравлять себе такое удовольствие? Деньги свои я почти все истратила, оставила только на экскурсии и развлечения, так что теперь готова следовать за тобой, как собачонка, смотреть все достопримечательности, которые тебя интересуют.

Но он уже спал, как засыпал обычно, как только начиналась какая-нибудь качка.

7

Аэробус оторвался от взлётной полосы и стал стремительно набирать высоту. Все прикинули к иллюминаторам, наслаждаясь открывшейся панорамой Вечного города.

– Всё, сказка кончилась, – вздохнула она с грустью. – Впереди суровые трудовые будни. Тебя это не бесит?

– Нисколько, – спокойно покачал он головой. – Останутся воспоминания. Только теперь я понял всю мудрость твоего благоговейного отношения к подобного рода поездкам: деньги легко потерять – ограбят или разоришься, а вот такие воспоминания – они навсегда, их уже не отнимешь.

– Многое можно удержать в памяти, но у души свой выбор, – грустно прошептала она.

– Что-что? – удивился он. – Повтори, я не понял. Это цитата? Откуда?

Она усмехнулась.

– Нет, не цитата. Просто с кем поведёшься, от того и наберёшься. Твоё влияние. Я много чего везу с собой, чтобы оживлять периодически свою память. Но только одну вещь – для души.

Она кивнула на стоявшие перед ней на откидном столике «часы правды».

– Хорошая вещица. Я становлюсь с ней настоящей игроманкой, руки так сами и тянутся. Ты не против?

– Ради бога! – пожал он плечами.

Она привычным движением перевернула игрушку.

– Начну с себя. Каюсь, я врала тебе всю поездку. Рассказывала о своих похождениях, «сказках». Рисовала портрет этакой раскованной, современной «фемины», а на самом деле я просто закомплексованная до непроходимой одури трусиха. Пуританское воспитание родителей, своя непомерная гордость... Я ужасно страдаю от того, что приходится вот так как бы навязывать себя мужчинам, унижаться перед девушками на ресепшене, чтобы они поспособствовали с «условиями», притворяюсь страстной, опытной в сексе, хотя мало что понимаю в этом вопросе и практически ничего не чувствую (такое впечатление, что меня по моей доброй воле насилуют).

Он не решился посмотреть на неё, но всё-таки не удержался, чтобы не уточнить:

– Так было и со мной?

Она кивнула.

– Да. Хотя несколько по-другому. Я стучалась, стучалась к тебе, но у меня ничего не получилось. Ты – тот ещё мальчик, на все пуговички застёгнутый.

Они надолго замолчали. Наконец, она повернула в его сторону голову.

– Ладно, не будем о грустном. О своей сказке я рассказала, ну а как дело с твоей мечтой? Ты сказал, что не зря ездил в эту поездку, и узнал для себя всё, что хотел. Прости, так получается – я вновь завожу разговор на ту же тему, но что подделаешь, для меня это очень важно. Ты уже во многом мне помог, теперь я понимаю, что причина всех моих неудач в личной жизни, точнее полного её отсутствия только во мне самой. Но, может, ты поделишься со мной и этой, последней тайной? Я готова заплатить любую цену, ты знаешь – у меня есть деньги, я от этого не разорюсь, а тебе они оченьгодились бы.

Он покачал головой.

– Мне не нужны твои деньги. Это сугубо личное, такими вещами не делятся. Уж извини.

Они снова надолго замолчали. Наконец она упрямо качнула головой.

– Хорошо, я ставлю на кон вот это, – она положила руку на «часы любви». – Как, подойдёт такой вариант?

Он задумался.

– Ты хочешь сказать, что ставишь на кон частичку своей души? Что ж... часики эти вполне бы мнегодились. Мы столько им ввали в течение поездки, но под конец они всё-таки сработали. Ладно, тебе решать. Что я понял? Ты помнишь ту фразу: «В любви всё правда, но нет правды о любви»? Как ты знаешь, я долго размышлял над этим выражением, но никак не мог разгадать его, а его всего-навсего надо было перевернуть, как вот эту игрушку. Нет единой, одной для всех правды, она неповторима в каждом конкретном случае. Так же и любовь: она как жизнь, сливается с жизнью. Непонятно? Ну, есть ещё фраза, я её услышал в одном польском фильме: «Все хотят, чтобы их любили, но никто не хочет любить». Она тоже долго сидела во мне занозой, но сейчас, после поездки, я воспринимаю её по-другому: каждый любит, как может, остальное – кино. Опять непонятно? Ладно, признаваться, так признаваться. Ты свой «скелет из шкафа» вытащила, мне ничего не остаётся, как вытащить свой. Да, каюсь, ты была права, не веря, что у меня не было «кого-то». Естественно, молодая, где ж взять другую; естественно, студентка, теперь давно уже бывшая. Любимая, прекрасная, страстная – всё, о чём только можно мечтать. Мы умело скрывали наши отношения, и когда жена вдруг ушла (а мы с ней очень плохо жили, во всём полная несовместимость), я хоть и ощутил боль, концом света для меня наш разрыв не стал: в том месте, где я упал, соломка была давно подстелена. Радостный, я прибежал к своей ненаглядной и сообщил, что ничто нам отныне не препятствует и мы можем наконец соединиться. Ты, наверно, уже догадываешься, каким был ответ? Я более чем устраивал её в прежнем качестве, но в варианте мужа совершенно не подходил. Что мне оставалось? Я наговорил ей много обидных слов, обозвал предательницей и решительно порвал с нею. Какое-то время она звонила мне, говорила: мы были счастливы, всё было так прекрасно, зачем ты всё портишь? Но я был непреклонен. Потом она вновь позвонила, сказала, что если я ещё не передумал, она согласна выйти за меня замуж. Но теперь уже я задумался. Было время поразмышлять, целый год я предпринимал попытки найти себе другую женщину...

– Объявления? – с усмешкой прервала она его. – Ах, как знакомо! Я столько времени угробила зря на подобную чепуху, а как-то прочитала в «Московском комсомольце» замечательную фразу: давать брачные объявления – всё равно, что писать письма в Нобелевский комитет с просьбой о присуждении вам внеочередной премии. Я чуть с ума не сошла: ребята, где же вы раньше были? Но всё равно не поверишь, пока сама в чём-то не убедишься.

– Ну, я ведь математик, – грустно вздохнул он, – значит, не только объявления: я отработал все варианты – клубы знакомств, брачные агентства, интернет. Как ты сама догадалась, Нобелевскую премию мне не присудили. Тогда я подумал: я так одичал за годы супружеской жизни и в то же время как бы остановился в своём развитии, так, может, причина во мне – и мои представления о любви, о современных женщинах, да и вообще о жизни, в корне неверны? Странно, чему же я учил, как воспитывал своих дочерей? Так и родилась эта мысль о поездке в Италию. Вот и всё, что я могу тебе рассказать. Понимаю, ты совсем другое хотела бы услышать, а тут всё слишком общо и в то же время предельно индивидуально. Я даже не знаю, как я конкретно поступлю со своей личной жизнью по возвращении, но точку опоры я нашёл. И многим в этом я обязан тебе, как ни странно.

Она кисло улыбнулась.

– Понятно, мой печальный опыт?

Появились стюардессы со столиками. Обед. Салон оживился. Все гадали, чем будут кормить: российским или итальянским.

Он тоже приободрился. Отсутствием аппетита он никогда не страдал.

– Как ты думаешь, мы не мешаем им своими разговорами? – спросил он, воспользовавшись всеобщим гомоном – Я так и жду, что на нас со всех сторон начнут шикать: когда же, мол, вы наконец замолчите?

Она привычно сморщила носик.

– Во-первых, мы не говорим, а шепчемся, а во-вторых, у всех здесь столько проблем! Кто спит, «утомлённый солнцем», кто прослушивает в плеере купленные диски, кто мыслями уже дома. Ну а если кому осталось что сказать друг другу – для них это последняя возможность поговорить. Как видишь, уже здесь многое переменялось, а в аэропорту все тут же в разные стороны разбегутся. Почти всех кто-то будет встречать, хотя бы в надежде на сувениры. Твои дочери...

Он фыркнул.

– Ну, уж это вряд ли!

– Да, да, две твои дочери. Ты теперь вырос в их глазах: папа в Италии побывал. А ещё стройная фигурка в сторонке...

– Ты думаешь, она придёт?

– Конечно. Но тебя, наверное, уже утомили мои разговоры, тоже хочется поспать, отдохнуть?

– Нет, нет, – отрицательно мотнул он головой. – Сначала да, я действительно был раздражён, подумал: «Господи, так было здорово, зачем она всё портит?» Сейчас я думаю по-другому: то, что было прекрасно, так прекрасным и останется, но вот этот наш разговор тоже по-своему уникален, несомненно он – одно из лучших воспоминаний из всей поездки. Как ты сказала: всё для памяти и кое-что для души. Это вот для души. Поэтому я и переживаю: можно ли продолжать? Ты знаешь, своим первым признанием ты меня просто убила. Зачем же ты притворялась тогда, изображала из себя нимфоманку?

– Да ты бы тут же сбежал от меня к другой женщине. Кому нужны ледышки?

Она помолчала какое-то время, затем вздохнула.

– Зря я, пожалуй, свой секрет открыла. Тебе обидно? Нет, всё и в самом деле было замечательно, но мне понадобится много времени, чтобы по-настоящему это осознать.

Он не смог удержаться, перебил её, хотя понимал, как важно было просто послушать, дать человеку выговориться.

– Постой, постой, опять что-то новое. Вот то, для памяти и для души, я усвоил, а здесь...

– Ладно, – улыбнулась она. – Придётся начать издаleка. Залезем в меня ещё глубже. Мои родители – люди вполне обеспеченные. Прекрасная трёхкомнатная квартира в центре Москвы, элитная дачка. Брат и сестра тоже замечательно устроены, я у них младшенькая, самая любимая. Была я примерная, послушная, во всём отличница – и вдруг оказалась на обочине. Они давили на меня, мне захотелось свободы, самостоятельности. Остальное ты уже знаешь. Там отлаженный конвейер по воспитанию внуков и внучек, а с моей стороны никого нет. Конечно, по всем статьям я должна к ним вернуться и вместо зарабатывания денег, которых, как известно, всех не заработаешь, заняться поисками подходящего мужа. Все так делают, зачем я пытаюсь изобрести велосипед? Теперь я поняла, что причина во мне, а не в моих родителях. Это уже мой собственный максимализм. Я слишком высоко подняла планку. Которую, наоборот, с каждым годом надо опускать всё ниже и ниже: моложе я не становлюсь. Один пример, вот только боюсь, что после него ты станешь считать меня шизофреничкой: как я уже тебе говорила, у меня полный отчёт по каждой поездке, но... там нет и следа тех мужчин, с которыми я была вместе. Я постепенно память о них уничтожаю. Сначала эта фотография показала неудачной, затем другая, вот этот кадр на мониторе – господи, как легко, один щелчок мышки на компьютере! Как ты считаешь, такое нормально?

– В смысле психики – да. А в остальном – прокрустово ложе.

– Ну уж скорее наоборот, – фыркнула она. – Всё сплошь недомерки.

– Конечно, – не согласился он, – если голову да ноги отсечь – не просто недомерки, полные уроды получают.

– Так, и куда же мне теперь? К родителям под крылышко или и дальше – «с песней по жизни»?

– Не знаю, – покачал он головой, – на мой взгляд, тут многое от жира. Другим бы твои проблемы!

Она отвернулась к иллюминатору.

– Кто бы говорил! Ты знаешь, мне на какой-то момент показалось, что в этой поездке мы душами поменялись. С самого начала ты буквально доставал меня своими разговорами о какой-то необыкновенной, вечной любви, об общечеловеческих идеалах, но вовсе не тем, что я твоих взглядов не разделяла: это были мои взгляды, мои мысли. И что теперь? Ты такой трезвенький, такой реалист. Так степенно, умудрённо о тех же самых вещах рассуждаешь. Создаётся впечатление, что ты уже там, в Москве, убедил себя, а поездочка была чисто формальной?

Она бросила взгляд на стоявшие перед ней часы.

– Ладно, во всех случаях они твои. Считай, что ты выиграл. Последний вопрос: ты так и не расскажешь, что написал в том письме Джульетте?

Он медленно покачал головой.

– Нет, не обижайся, это уж совсем интимно. Просто рассказал ей о своей жизни, и больше ничего. Бывает так: много людей вокруг, а поделиться самым сокровенным не с кем. Но я не один такой. Зачем бы люди иначе стали к ней обращаться?

Она удивлённо вскинула на него глаза, совершенно ошарашенная.

– Не верю. Чтобы ты – такой рационалист, расчётливый до мелочей, математик, вдруг решил душу раскрыть какому-то вымышленному персонажу? Выходит что-то одно: либо ты притворялся всю поездку, либо я вообще ничего не понимаю в людях.

Он вздохнул, усмехнувшись.

– Да, я действительно так ни разу не поступал, ну и что? Знаешь, я очень изменился в последнее время, а эта поездка довершила процесс. Я вдруг понял: что я теряю, даже если в неверную сторону пойду? Всё равно к себе самому вернусь. Вот ты постоянно твердишь: мечта, сказка. То, что мы видели, чистойшей воды мечта. Что бы случилось с этими ребятами – Р + Д, если бы не досадная случайность? О них просто никто бы никогда не узнал. Для меня теперь в любви только один критерий – счастье. Всё остальное, как я тебе уже говорил, у меня было.

Она пододвинула к нему часы поближе. Он взял их, подержал некоторое время в руках, вроде как внимательно рассматривая, а на самом деле искоса наблюдая за её реакцией, затем со вздохом убрал всю «правду и любовь» в сумку:

– Что ж, я уже сказал тебе: не откажусь.

8

«Это я! Милан, Верона, Флоренция, Рим, Италия... Интересно, ты вообще хоть что-нибудь помнишь из той поездки? Во всяком случае, наверное, не меня!

Вот здесь я живу. Не хочу, чтобы перед тобой постоянно маячила только одна моя физиономия, поэтому буду перемещаться, показывать тебе интерьер, стараясь по возможности, как в кино, не выходить из кадра.

Не знаю, пошлю ли я тебе эту флешку: не думаю, чтобы это было очень удачной мыслью. Но я только что пришла со спектакля, который мы тогда так и не посмотрели в Вероне, и настолько потрясена, что не могу заснуть.

Помнишь «Гоголя»? Я подарила ему цветы, когда они все вышли раскланиваться, он узнал меня, мы потом немного поговорили. Он спрашивал о тебе, я сказала, что у тебя всё в порядке, просто допоздна лекции, поэтому ты и не пришёл. У них везенье пока продолжается, «прима» и дальше крутит своему неожиданному спонсору мозги и от ребят не уходит. Они даже получили какой-то там «офф» на фестивале, то есть в основной программе не участвовали, но чем-то их всё-таки наградили. Честно говоря, я думала, что ты не упустишь такую возможность: они специально устроили этот спектакль, хоть и не сезон. Ребята выкладывались на полную катушку, я даже плакала. Подожди, у меня опять глаза на мокром месте, пойду хоть чуть-чуть их подправлю.

Ну вот, теперь всё в порядке, можно продолжать.

Меня даже звали на «междусобойчик», но я отказалась. Постеснялась, наверное. Хотя обычно стеснительной меня никак не назовёшь. Зря, конечно, не пошла, всё равно бессонница.

В моей жизни много перемен. Если они тебе не интересны, просто прокрути видеоролик дальше. Я всё-таки осуществила свою мечту: занимаюсь теперь женской одеждой, взяла в аренду небольшой павильончик, наладила связи с поставщиками. Но и прежний бизнес не бросаю: страшно вато, не знаю, как пойдут на новом месте дела. Конечно, в полном раздразе, ни за чем не могу уследить, девчонки пользуются моментом, обкрадывают меня безбожно, мечтают вообще вытеснить из нашей клетушки.

Всё, никуда отбегать больше не буду, так и смотри на меня зарёванную – что ж, ты меня всякой видел.

Что ещё? Разрушилась моя сказка. Не знаю, когда соберусь теперь в новую поездку, и настроение ни к черту, и с работой дело пока ещё далеко от того, чтобы быть в полном ажуре.

Иногда, в качестве утешения, пересматриваю фотографии, видео из своего «архива». Вот только до Италии никак руки не дойдут. Но дойдут когда-нибудь.

Вот и всё. Не понимаю, как так получилось, но я думала, что мне двух-трёх часов не хватит для этого разговора с тобой, а уложилась буквально в десять минут. Что ещё? Вспоминаю те наши «часики», надеюсь, ты их не выбросил как безнадежный хлам? Мне они очень дороги – если эта премиленькая вещица вдруг станет тебе не нужна, только позвони, я тут же примчусь за ней на крыльях ветра.

Нет, я вовсе не о том, что обмен был неравноценен, вовсе не прошу «игрушку» обратно. Но вдруг?..

Ладно, теперь действительно всё, пора закругляться.

У меня, конечно, есть твой адрес и номер твоего телефона, но я подумала: что можно сказать по телефону? Обменяться какими-нибудь дежурными фразами? И что потом?

Наверное, то же, что и сейчас. И что можно вообще сказать по этому поводу? Не там предохранялась? Как видишь, я даже усвоила твой чёрный юмор.

Что я ещё могу тебе сказать? Часто представляю себе одну и ту же картину: ты и молоденькая студенточка, которая пришла к тебе пересдавать зачет. А может, она давно уже

на кухне, готовит тебе ужин? Или, что ещё хуже, вернулась та прежняя, «многоопытная»? А может, она никогда и не уходила?

Как видишь, мой ужасный характер не стал лучше.

«В последних строках» моих каракулей, точнее, карканий... «А напоследок вам скажу...»

Всё хочу написать письмо Джульетте (кстати, как там с ответом, надеюсь, ты не зря потратил свои денежки?), но, боюсь, она меня не поймёт. Их с Ромео чужие зависть, ненависть разлучили, а что разлучило нас?»

9

«Дорогая Джульетта!

Когда я узнал, что серьёзно болен, я подумал: «Что я не успел сделать в своей жизни? О чём я мечтал и чего мне всегда в ней не доставало?» Пожалуй, только одного – Большой, я бы сказал даже – Великой Любви.

И тогда я решил во что бы то ни стало посетить город, который считается Меккой влюбленных, – Верону, чтобы своими глазами увидеть столь памятные для всех, «кто верит и любит», места.

Наверно, это можно объяснить только чудом, но мне повезло: я нашёл здесь всё то, что искал, так что поездка моя оказалась ненапрасной.

Я видел девушку необычайной красоты, которая до конца дней моих останется для меня твоим символом. Она была так грациозна, весела, обаятельна, что я даже удивлялся, что столько людей проходило мимо, не замечая её.

Я посетил все памятные места, связанные с вашей прекрасной любовью – твоей и Ромео.

Я вглядывался в толпы людей, съехавшихся со всего света, чтобы поклониться вам, их одухотворённые, счастливые лица, и сам был от этого необычайно счастлив.

Но мне повезло вдвойне: здесь, в нескольких тысячах километров от России, я встретил любовь, о которой грезил когда-то, но уже разуверился найти.

Что я могу сказать о моей Джульетте?

Она совершенно обыкновенна и вовсе не является эталоном красоты.

Очень любит наряжаться, хотя ей это явно не по средствам.

Умна, язвительна и в то же время беззащитна, легко ранима.

У неё уйма энергии, которую она порой не знает куда деть.

Необычайно ревнива: ту Джульетту, которую я ей показал, она буквально возненавидела.

Всю поездку мы скрывали, как могли, наше чувство, отгораживаясь друг от друга шуточками, пустыми, ничего не значащими словами, глубокомысленными разговорами о местных достопримечательностях. Мы стали физически близки в первую же ночь нашего знакомства, но это тот же занавес, как и всё остальное.

Впереди три последних дня нашего пребывания в Италии, потом мы сядем в самолёт и не увидимся больше никогда.

Зачем я пишу тебе? С одной только просьбой: чтобы ты переправила это письмо моей возлюбленной. Хочется, чтобы она знала, как она прекрасна, как достойна Большого Чувства, что счастье непременно ждёт её впереди.

Пойми меня правильно: сам я не могу этого сделать. Не хочу, чтобы она видела меня лысым, высохшим, сморщенным, как мумия: ей так нравились, к примеру, мои волнистые волосы! Да, да, я хочу навсегда остаться в её памяти таким, каким она любила меня. Таким, каким любил её я. Так что сделай это после моей смерти.

Прощайте все трое: ты, моя любимая и та прекрасная девушка, которую я видел в Вероне, в тенистом дворике. Жизнь удивительно хороша. И есть лишь одна вещь сильнее смерти – Любовь. Она не проходит».

– Здравствуйте, дорогие друзья! Меня зовут Ольга, Ольга Николаева. Мы с моим мужем Владимиром уже много лет являемся членами Клуба Джульетты, представляем здесь, в Вероне, его российский филиал. Трудно описать нашу радость, когда мы узнали, что в этом году один из призов «Дорогая Джульетта» получило письмо автора из нашей далёкой, заснеженной

Москвы. Теперь, когда вы ознакомились с его содержанием, вам ясно, почему мы так необычно подошли к его презентации. Понятен и этот портрет, вывешенный на самом видном месте, и наши голоса, звучащие отстранённо, как бы за кадром. Владимир читал текст на языке оригинала, я, в меру своих способностей, переводила его на итальянский.

Надо сказать, что мы с самого начала были поставлены в тупик необычностью этого послания, и поэтому решили в виде исключения отступить от своих правил: разыскать его отправителя. Мы нашли его ослабевшим, исхудавшим, дело обстояло в точности так, как он описал в своём письме. Напоследок наш герой попросил передать своей возлюбленной вот эту вещицу. На первый взгляд в ней нет ничего особенного. Обыкновенные песочные часы – сувенир, который вы можете купить без труда здесь, в Италии, где угодно. Но продавец при продаже сказал, что это часы любви, часы правды. Эта вещица, столь импульсивно купленная нашей героиней, очень помогла нашим героям: когда они хотели узнать что-нибудь побольше друг о друге, они ставили её на стол и говорили только правду.

Героиня подарила этот сувенир герою при расставании, сегодня мы его ей, по просьбе нашего лауреата, возвращаем. Но сначала подведём итог нашим изысканиям. Конечно, желание автора – закон. Но Джульетта не была бы Джульеттой, если бы не поступила по-своему: она не захотела ждать трагической развязки и попросила нас передать письмо по назначению как можно скорее. Героиня, получив его, не раздумывала ни секунды, она забросила все свои дела, поставив себе целью во что бы то ни стало спасти своего возлюбленного. Сегодня, в этот знаменательный день – День Святого Валентина, они здесь, вместе; надежда на спасение столь же слаба, как и вначале (не будем вас обнадеживать), но наши герои борются, они не сдаются. И мы, от своего и вашего имени, хотим пожелать им удачи. Нам хотелось бы проявить деликатность и оставить на усмотрение сегодняшнего лауреата, показаться ему или нет вам в том виде, в котором он сейчас, после долгого и не законченного ещё лечения, оказался. Итак? Да, вот они, наши герои, поаплодируем им и, главное, пожелаем им ещё и ещё раз удачи. Счастье и любовь у них уже есть.

Он глубоко вздохнул и опёрся на её руку:

– Ну что, встаём?

Она кивнула.

Он усмехнулся:

– Как жаль, что никто не снимает нас сейчас на видео. Такой триумфальный момент.

Она ехидно поджала губы.

– Не беспокойся, об этом я уже позаботилась.

Они со слезами на глазах принимали аплодисменты в свой адрес.

Ольгу Николаеву сменила Джованна Тамассиа, дочь председателя Клуба Джульетты Джулио Тамассиа.

– Дорогие друзья! Нас буквально потрясла судьба двух влюблённых из далёкой России, и мы рады сообщить вам, что администрацией Дома Джульетты они приглашены пройти церемонию Обета Любви. Разумеется, от лица нашего Клуба мы ещё раз хотим пожелать им удачи и чуда, если ничто другое не в состоянии им больше помочь. И ещё одна новость: подружкой невесты на этой церемонии мы упросили стать Джульетту №2 из письма нашего победителя. Просьба посмотреть на экран.

Она тихо прошептала, немного неуклюже усаживаясь обратно, подтянув платье на округлившийся живот:

– Хорошо хоть, я вырезала начало.

Он усмехнулся и кивнул в ответ.

Между тем Джованна продолжила:

– Ну а теперь встречайте – Джульетта из тенистого дворика! Я удивляюсь, как этой девушке удалось столь долго скрывать свою необыкновенную красоту. Как бы то ни было, мы решили восполнить этот пробел и предоставляем вам возможность сравнить подлинник с тем, что вы видели только что на экране.

– Ну всё, – вздохнул он. – Время нашего триумфа истекло. Теперь появилась новая героиня. Но надо отдать ей должное: сегодня она чудо как хороша.

Весь зал был действительно поражён красотой девушки, появившейся на сцене. Защёлки фотоаппараты, засуетились операторы с видеокамерами.

Она кивнула.

– Да, эта девочка пришла надолго.

Он покачал головой.

– Неужели она всё-таки позволит сегодня снимать себя бесплатно, не сделает свой знаменитый жест, не пошевелит двумя пальчиками?

Она отвернулась, уткнулась в его плечо и тихо прошептала:

– А знаешь, даже сейчас, такого я тебя просто безумно ревную к ней.

Хмурый ангел

Рассказ

– Здравствуйте! С вами что-нибудь случилось?

Молчание в трубке. Затем осторожный вопрос:

– Кто говорит?

– Вы меня не знаете.

– Может, вы ошиблись номером?

– Нет. Вас зовут Сергей.

– Да. А вас?

Я смешалась, потом взяла себя в руки.

– Я – это я. Вы не ответили на мой вопрос.

– Сажу на больничном, немного простудился. Больше ничего. Но почему вы обо мне беспокоитесь?

Я положила трубку, подошла к окну. У кого тополя перед домом, у кого берёзки, а у нас – фруктовый сад. Огородили три клочка земли между асфальтовыми дорожками кустами крыжовника, а внутри яблони посадили, груши, вишни. Да не дички какие-нибудь, а хорошие сорта. И вот сейчас опутали ветки белые кружева.

Каждое утро этот человек, глубоко мне безразличный, в одно и то же время выходит из дома, идёт дорожкой между деревьев. Я никогда раньше не обращала на него внимание и была совершенно права: всё в нём жалко, от унылой физиономии до помятого костюма. Но каждое утро я встаю на полчаса раньше, чем нужно, для того только, чтобы посмотреть, как он уходит на работу.

Я заставляю себя вставать, заставляю себя смотреть. Меняется природа, погода бывает разной, а он остаётся одним и тем же. И это меня в нём раздражает. Так продолжается целый месяц.

Вы ничего не поняли? Я постараюсь объяснить.

Сегодня я встала утром как обычно. А ровно в семь часов подошла к окну. Но и сегодня, как и вчера, этот человек по имени Сергей не вышел из дома. Как выходил всегда с педантичной точностью, одной и той же походкой. Я изучила расписание его жизни до мельчайших подробностей, а что не вижу, без труда могу себе представить: вон за тем девятиэтажным домом у аптеки он садится в автобус и благополучно доезжает до своего завода. А потом, после работы, точно таким же образом возвращается обратно. Дело в том, что моя ежедневная орбита мало чем от его отличается.

Вчера я прождала до последнего, затем собиралась в спешке, чуть не опоздала на урок, а Сергей так и не появился. Весь день я пыталась понять почему? Может, уехал отдыхать, а может, командировка? Был удобный момент прекратить надоевшую игру, но я сгорала от любопытства: что же всё-таки с ним произошло?

Сегодня я не стала дольше торчать перед окном. Походила по коридору, преодолевая не раз уже возникавший соблазн: даже взяла в руку телефонную трубку, затем положила её обратно. Я знала не только расписание жизни Сергея, но и номер его телефона.

Однако телефон разделял собой воображение и реальность, игру и жизнь – нельзя было эту грань переступить. И всё же я не удержалась от искушения. Может, оттого, что игра перестала быть приятной, злила меня, и захотелось разом со всем покончить? Впрочем, опять непонятно, нужно начать издали.

Месяца полтора назад я почувствовала, что смертельно устала, никогда ещё мне так не хотелось услышать «последний звонок». Я с трудом дорабатывала каждый день, считала

недели, оставшиеся до отпуска. Стала взбалмошной, раздражительной. Нервы, конечно, нервы. Но ведь всегда нервы. А тут было что-то новое, неожиданное, серьёзнее, чем обычно. Меня раздражало именно то, что раньше составляло мои маленькие радости в жизни.

Почему вдруг капель стала отдаваться в сердце? Почему солнце стало обжигать кожу?

Потом я поняла, что случилось. Просто во мне стали просыпаться чувства, они крали время у размышлений, мешали жить. Но разрешение загадки спокойствия душе не принесло. А спокойствие мне необходимо. Квартира, работа, дочь в третьем классе – всё сейчас держится на женщинах.

Да, так дальше жить было нельзя. Я пыталась отыскать причину. Может, дело в том, что я одинока? Терпеть не могу определение «одинокая женщина»: оно как клеймо неполноценности. Когда говорят так о мужчине, это звучит как реклама, а вот если о женщине, то непременно в укор. Короче говоря, я решила придумать своего рода игру, чтобы и отвлечь, и развлечь себя одновременно. Не причиняя никому вреда. Представить себя влюблённой, страдающей, вздыхающей по какому-нибудь мужчине. Совсем как во времена юности. Пережить любовь именно в воображении. Ведь то, как это происходит на самом деле, нередко настолько пошло и низко, что, уж конечно, никакого удовольствия доставить не может.

И действительно, мир преобразился, я почувствовала облегчение.

За что я выбрала Сергея? Во-первых, он безлик, обыкновенен, можно вообразить о таком человеке что угодно. Во-вторых, меня покорило удобство: Сергей живёт в соседнем подъезде, я могу часто видеть его. Кроме того, он холост. Воображение воображением, а даже в мечтах не хотелось бы никого обкрадывать. Моя игра как раз и нужна была для того, чтобы уберечь меня от какого-нибудь подобного сумасбродства.

Целый месяц я пыталась расшевелить себя, сделать так, чтобы стремительнее билось моё сердце, изводило меня нетерпение. Получился же тот идеальный вариант, который мне, собственно, и был нужен. То есть игра игрой осталась и занимала только мои мысли. И вот мой неожиданный звонок. Я представила себе растерянное лицо Сергея. Конечно, не в моём возрасте и характере такого рода шутки. Тем более с мужчиной. Нужно позвонить ещё раз, извиниться. Игра не просто затянулась – она стала рискованной. Но мысли мои постоянно к тому разговору возвращались. Всё-таки здорово я Сергея ошарашила!

Как бы то ни было, я успокоилась, но тут же потонула в ворохе житейских новостей. Приехала мама из деревни, разохалась, что Верочка, внучка её, похудела, развела такую стряпню да стирку, хоть из дому беги. Валентин, бывший муж мой, снова запил, вёл себя отвратительно. На работе очередной аврал. И сражалась я как Дон-Кихот. Только не с ветряными мельницами, а с мельницей-жизнью, которая, в какой уже раз, пыталась перемолоть меня.

Ну а после вновь наступило затишье. Я с улыбкой вспомнила о своём соседе. Было немного стыдно, что я его взбудоражила, да и забыла думать о нём. Сергей вошёл в привычное расписание, но кое-что в нём изменилось: появились нетерпение, беспокойство. Походка другая: не под ноги стал смотреть, а по сторонам. Я даже отодвинулась в глубину комнаты, чтобы он меня не заметил.

Зачем я перешла эту грань? Знала ведь, что потом пожалею. Но было поздно: мысли воплотились в реальность и развивались помимо моей воли. Не загнать их в голову обратно. Впрочем, ничего непоправимо страшного не произошло. Это же мои мысли, кому они нужны? Надо только позвонить ещё раз, рассеять недоразумение. Что я и не преминула сделать.

– Здравствуйте! Это снова я. Вы меня не забыли?

– Нет. Только думал, что вы мне позвоните гораздо раньше.

– Я была очень занята. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо. Я давно выздоровел.

– Знаете, я перед вами виновата и хотела бы попросить прощения.

– За что?

– Я воспользовалась вами. Без вашего ведома.
– Непонятно.
– Ну, мне хотелось отвлечься, и целый месяц я вела игру: убеждала себя, что в вас влюблена.

– А, тогда всё ясно.

– Вам это не кажется странным?

– Теперь нет.

– Почему?

– А почему я должен считать себя человеком, в которого невозможно влюбиться?

– О, это уже самомнение! Ладно, прощения я попросила, осталось только попроситься.

Он разволновался, заторопился.

– Подождите! Не вешайте трубку, выслушайте меня! Мы с вами не в одинаковом положении: вы мне можете звонить, когда хотите, а у меня нет такой возможности. Мне очень нужно с вами поговорить.

– В другой раз, хорошо? Я уже опаздываю на работу.

Он замолчал. Видимо, хотел попросить, чтобы я обязательно позвонила, и не через две недели, а хоть немножко пораньше, но все его чувства покорно уложились в одном только слове: «Хорошо!»

И тут я сама удивилась. Было чему. Впервые я потеряла над собой управление. Теперь следовало контролировать каждый свой поступок, но больше четырёх дней я не выдержала.

– Я всё-таки решила вас выслушать. Но предупреждаю, что звоню в последний раз.

– Почему?

– Потому что это глупо, не нужно.

– Вы неправы. Знаете, тогда я хотел накричать на вас: нельзя же так – заинтриговать человека и в таком положении его оставить. Хотел потребовать объяснений: зачем вы свою игру затеяли, какого мнения обо мне остались? Ведь я не вещь, вы не имеете права так мной распоряжаться. И думать обо мне то, что, может, вовсе мне и не свойственно. Но это было сначала, а теперь я не буду вас расспрашивать или осуждать. Я вас прошу: звоните мне, когда вам заблагорассудится. Мне было бы приятно, что на свете есть кто-то, с кем я могу поговорить без утайки. Иногда так необходимо бывает посоветоваться о чём-нибудь, а не с кем. Я обещаю, что не буду пытаться узнать ваше имя, не стану разыскивать вас. Вы мне нужны как человек, понимаете?

Я ничего не ответила, но потом решила, что раз ему будет приятно, то и меня эти телефонные разговоры не слишком обременят. Чутьочку кокетничала, пользуясь тем, что меня не видят, но лгать желания не было и, стараясь избегать каких-либо точных координат, всё-таки рассказывала о себе правду. Хотя, что интересного я могла о себе рассказать? Всё интересное кануло в прошлом.

Ах, какой радостной представлялась мне жизнь двенадцать лет тому назад! Я встретила Валентина, влюбилась, вышла замуж. Родилась дочь, было нелегко, но молодость и оптимизм всё преодолевали.

Не сразу обнаружилось, как расходятся наши пути с мужем, но, как я ни пыталась противостоять этому, ничего нельзя было сделать. Я шла вперёд, а он опускался. Из жизнерадостного бесхитростного парня превратился в грубого мужлана, стал пить. Ходил по дому, занимал у соседей деньги на водку, не было никакой возможности оплачивать его долги. Однажды он жестоко избил меня и Верочку, после этого я сказала: «Хватит!» Подала на алименты, затем и вовсе развелась.

Но Валентин никуда не переехал, нам разделили квартиру, он поселился в той комнате, где раньше была у нас детская, по-прежнему буйствует. Хуже всего бывает, когда на глазах

у Верочки он приводит домой женщин. Так что практически ничего не изменилось, даже развод не оградил меня от хамства и унижений.

Да, у меня не хватило духу отказаться от разговоров с Сергеем – единственного, пожалуй, развлечения в моей жизни. Наверное, его фраза «Вы мне нужны как человек» удержала меня так надолго у телефонной трубки.

Сергей тоже дорожил нашими беседами, был очень тактичен, боялся обидеть, потерять меня. И всё-таки однажды он не выдержал, в голосе его прорвалось отчаяние:

- Неужели мы никогда не увидимся?
- Нет. Если вы будете настаивать на встрече, я перестану вам звонить.
- Но это ужасно!
- Наш уговор должен остаться в силе навсегда.

Недели полторы я не подходила к телефону, затем победило обыкновенное женское любопытство. Я вновь стала наблюдать за Сергеем, причём не только по утрам, но и вечерами, пытаюсь поймать отзвуки наших разговоров в его лице, походке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.